

С.Ю. Николаева (Тверь). Фольклорные мотивы в поэзии И.А. Бунина, Ю.П. Кузнецова, Н.И. Тряпкина // Традиционная культура Тверского края. Сборник научных статей и публикаций. Тверь: ТвГУ. – 2013. - С. 129-139.

А.В. Гончарова как ученый много работала над проблемой «русская литература и фольклор». Она была свято и справедливо убеждена в том, что устнопоэтическое творчество народа всегда служило и будет служить источником «живой воды» вдохновения для истинных поэтов. Подтвердить эту мысль хочется на примере нескольких параллелей, выявленных в произведениях выдающихся мастеров слова XX века – И.А. Бунина, Ю.П. Кузнецова, Н.И. Тряпкина. Литературные позиции этих авторов были близки, но далеко не тождественны, и тем не менее опора на русские фольклорные традиции, мотивы и образы позволила им выразить свои взгляды на исторические судьбы России и всего мира в XX веке.

Бунин, Кузнецов и Тряпкин обнаруживают глубинный интерес к таким масштабным темам, как «человек и природа», «человек и Бог», «человек и устройство мира», «жизнь и смерть», «скоротечность жизни», «пращурь и связь поколений», «русское богатырство», «русский национальный характер и его искажения в новейших исторических условиях», «трагедии России и всего мира в XX веке». Поэты осмысливают онтологические, аксиологические, гносеологические проблемы, создают свою художественную философию и антропологию на основе русского фольклора, христианской системы ценностей¹, используют и трагический, и героический, и сатирический виды пафоса. Но при этом Бунин все-таки остается в рамках реалистического типа творчества, Кузнецов проявляет себя как романтик и раскрывает мысли, близкие к бунинским, средствами романтической поэтики, Тряпкин же синтезирует обе эти традиции.

Очень показательна параллель, возникающая в рамках темы «человек и природа». В стихотворении Бунина «Белый олень» (1912), в «Атомной сказке» (1968) Кузнецова и в «Сказке» (1979) Тряпкина использован фольклорный мотив: стрелок отправляется на охоту и встречает потенциальную невесту. Бунин опирается на народную песню «Не разливайся, мой тихий Дунай»², Кузнецов – на былины и сказки о богатыре Дунае, которые на уровне топики пересекаются с этой песней, а также на волшебную сказку о царевне-лягушке, Тряпкин развивает сказочно-мифологический сюжет, помещая своего героя-стрелка в пространство мифа о мировом древе и тем самым сталкивая социум и космос, человека и высшие силы.

В стихотворениях Бунина и Тряпкина происходит необычная трансформация традиционного сюжета: у Бунина Белый Олень в ответ на удар

¹ Применительно к поэзии Бунина эту концепцию отстаивали в последние годы О.А. Бердникова, Т.А. Кошемчук, Л.А. Смирнова.

² См. примеч. О.Н. Михайлова, А.К. Бабореко в изд.: Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. лит., 1965. Т.1. С.563.

плеткой и использование самострела губит стрелка, превращая его в домоседа (этот мотив отсутствует в первоисточнике, хотя и подразумевается в общем контексте свадебной обрядовой поэзии):

Едет стрелок в зеленые луга,
В тех ли лугах осока да куга,
В тех ли лугах все чемёр да цветы,
Вешней водою низы налиты.
– Белый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянул Олень, увидавши стрелка,
Конь богатырский шатнулся слегка,
Плеткой стрелок по Оленю стебнул,
Крепкой рукой самострел натянул,
Да опустилась на гриву рука:
Белый Олень, погубил ты стрелка!
<...>

Тут и забавам стрелецким конец –
Будешь ты дома сидеть, молодец³

Можно сказать, что Бунин создает очень аутентичную, лирическую транскрипцию фольклорного источника, сохраняет в нем песенное начало, а в содержательном плане – раскрывает «мысль семейную», утверждает патриархальные, родовые ценности.

В стихотворении Кузнецова, опирающегося на эпическую (сказочную и былинную) версию сюжета, герою Ивану удастся погубить лягушку, никаких препятствий на его пути не возникает – лягушка-царевна, в отличие от героини волшебной сказки и в отличие от жены Дуная Настасьи, не молит о пощаде, она покорна и беспомощна:

«Пригодится на правое дело!» -
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток⁴.

Однако, умертвив царевну, Иванушка губит самого себя как царского стрелка и превращается в Ивана-дурака, счастливого итогом своего бездушного эксперимента.

На уровне сюжета между стихотворениями Бунина и Кузнецова обнаруживается определенная связь: в обоих случаях лирический герой вмешивается в патриархальный мир, в мир природы, в законы его существования и тем самым ставит самого себя на грань бытия и небытия. Но у Бунина драматический конфликт разрешается благополучно: стрелок опустил самострел вовремя, сохранил жизнь Оленю, предпочел погибнуть сам в своем прежнем качестве, понимая, что гибель стрелка означает начало его новой жизни в но-

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. лит., 1965. Т.1. С.348. Далее ссылки на произведения Бунина даются в тексте по этому тому с указанием страниц в скобках.

⁴ Кузнецов Ю.П. Крестный ход. Стихотворения и поэмы. М.: СовА, 2006. С. 52. Далее ссылки на произведения Ю.П. Кузнецова даются в тексте по этому изданию.

вом качестве – главы семьи, рода. Завершается стихотворение вполне реалистической картиной домашней, семейственной жизни героя:

... Сладким вином поезжан напою,
Всех особливей невесту твою:
Чтоб не мочила слезами лица,
Чтоб не боялась кольца и венца (348).

Герой Кузнецова, напротив, идет безоглядно и бездумно своим путем до трагического конца, он переступает грань жизни и смерти, добра и зла и совершает величайший грех – убивает ту, которая могла стать его суженой и продолжательницей рода. Условность эксперимента, совершаемого Иванушкой в «Атомной сказке», очевидна. Кузнецов проявляет себя как поэт-романтик.

Бунин оказывается ближе к фольклорному источнику, создавая свою, литературную редакцию народной песни: он подробно описывает детали происшествия, делая, однако, неожиданный для свадебной обрядовой поэзии акцент на гибели стрелка. Поэт вполне убедительно объясняет, почему же стрелок не убил Оленя Золотые Рога, – потому что сам стрелок погублен Белым Оленем, то есть побежден любовью. Это объяснение отсутствует в народной песне, которая под пером Бунина трансформируется и становится литературным произведением, метафорически выражающим следующую мысль: человек не должен покушаться на природу, красоту, любовь, так как сам подвластен любви и красоте, является органической частью природы и необходимым звеном в цепи поколений. Мифологический сюжет становится для Бунина основой художественного мышления и помогает создать метафорический образ: Белый Олень – олицетворение природного начала, той силы, которая благословляет человека на любовь и гармонию в отношениях с миром.

Подтекст стихотворения Кузнецова более многослойный, а переплетение фольклорных сюжетов в нем более сложное. Кузнецов, кроме сказки о царевне-лягушке, явно опирается на известную былинку о богатыре Дунае, который вскрыл белое тело своей возлюбленной, чтобы убедиться, что в ее чреве находится его собственное чадо с руками по локоть в золоте, ногами по колени в серебре, а убедившись, пришел в ужас от содеянного и убил себя своим «кинжалищем». Покушение на основы бытия оборачивается нравственной и физической гибелью для героя.

По словам исследователей, «убив жену и тем самым подтвердив свою власть над ней, Дунай, однако, совершает страшный грех. Убий Дунай Настасью в бою – на то и бой богатырский (убивает же Добрыня Златыгорку). Но Дунай поднял на нее руку в тот момент, когда Настасья уже стала его женой, и не просто женой – в этом-то все и дело! – а матерью будущего героя. И Дунай, таким образом, поднял руку на патриархальное родовое право – то самое, защищать и утверждать которое он был призван всеми своими силами. Недаром Дунай непременно проверяет слова жены, взрезывает ей чрево и обнаруживает чудесного, но – увы! – недоношенного младенца. Трагический конфликт достигает своей высшей точки именно в этот момент. По суровым

воззрениям предков, потомок богатырского рода стоил дороже, чем женщина-жена, жена же ценилась в первую очередь как мать. Вот тут Дунаю и предстоит навек покрыть себя позором, вот тут грозит ему развенчание. Но не вздохнув, не дрогнув, не задержавшись даже на мгновение, Дунай совершает единственный оставшийся ему подвиг, по-прежнему утверждающий в Дунае героя, – убивает себя»⁵.

Кузнецов опирался на художественный потенциал данной былины, он спроецировал воплощенный в ней драматический конфликт на трагические коллизии новейшей истории человечества. Фольклорный мотив он соединил с современным цивилизационным контекстом (научно-техническая революция, атом, электричество), подчеркивая условность ситуации, и рассказал сказку, но атомную, сказку на теперешний лад. Герой Кузнецова убил не просто лягушку, даже не царевну-лягушку, – он погубил будущее своего рода, будущее человечества. При этом он не ужаснулся, как Дунай-богатырь, не покончил с собой, а почувствовал блаженство от того, что обладает такой властью над миром. Лишь на уровне авторской позиции (и во многом благодаря заглавию «Атомная сказка») поступок своего героя Кузнецов толкует как самоубийственный, как преддверие гибели всего человечества.

Бунин в своем стихотворении отстаивает необходимость гармонии между человеком и окружающим миром, поэтому драматический конфликт и разрешается у него благополучно. Кузнецов же вынужден признать, что современный человек уже перешагнул некую грань, нарушил хрупкое равновесие и теперь наслаждается псевдогармонией («И улыбка познания играла на счастливом лице дурака»). Оба поэта сходятся в одном: человеческое вмешательство в жизнь природы должно соединяться с нравственностью, познание должно иметь пределы, чтобы не погубить Божий мир.

Значимость реализованного Буниным и Кузнецовым мифопоэтического сюжета об охотнике, метившемся в мироздание, по достоинству оценил Николай Тряпкин, воплотивший данный сюжет в своей «Сказке» (1978). Если герой Бунина целится в сердцевину всего сущего (Белого Оленя), но все-таки опускает руку, если герой Кузнецова уже бестрепетно «вскрывает» эту сердцевину («белое царское тело» лягушки), то стрелок Тряпкина целится и бьет без промаха уже не просто в представителя природного мира, а в «голубицу на Звездном дубу да у Млечной реки», то есть в Божий дух. Современный человек рушит ось мироздания, отказывается от Бога, от нравственных законов и тем самым приводит мир к Апокалипсису⁶.

Своеобразие поэтического воплощения Н. Тряпкиным названной темы обусловлено глубоким мифологическим подтекстом. Герой-стрелок отправ-

⁵ Балашов Д. М., Новичкова Т. А. Русский былинный эпос // Былины: В 25 т. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. С. 21-78. (Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.byliny.ru/biblio/balawov-9>).

⁶ Об этом подробнее см.: Николаева С.Ю. «Под сенью философской...» (Русский космизм в поэзии Ю.П. Кузнецова и Н.И. Тряпкина) // Юрий Кузнецов и Россия. Материалы IV Международной конференции, посв. Творческому наследию Ю.П. Кузнецова. М.: Изд-во Литинститута им. А.М. Горького, 2011. С. 93-114.

ляется у Тряпкина на охоту в том пространстве, где доминируют «Звездный дуб» и «Млечная река». Млечный путь в произведениях Тряпкина осмысливается как ось мира, как Мировое древо, как синоним Вселенной. Архитектоника этого Млечного пути, весьма сложная и разветвленная, включает в себя земную ось, земное колесо, колыбель, ковчег, арки, перекладыны, пути, хребтины и хребты, родовое древо и древо жизни.

Согласно многочисленным мифам разных народов, Мировое древо воплощает в себе единство всего мира, связь вселенной и человека, это модель мира, где для каждого существа, предмета или явления есть своё место. Мировое древо – это также посредник между мирами – своеобразная дорога, путь, мост, лестница, по которой можно перейти из этого, земного мира (Явь) в мир предков, потусторонний мир (Навь), или на небеса, в мир богов (Правь). Мировое древо осмысливается в мифах также как ось мира, на которой расположены человек (микрокосм), общество и вселенная (макркосм), или же мир современный, потусторонний и идеальный – небесный. Причём все явления природы, события в обществе и переживания отдельных людей происходят одинаково как в каждом из этих трёх миров, так и в них всех одновременно и взаимосвязаны, как в едином организме. Ось мира соединяет прошлое, настоящее и будущее, жизнь и смерть, время и вечность. Синонимами Мирового древа и Оси мира являются столб, колонна, мировая гора, дорога, церковь с тремя верхами, три терема, корабль, лестница, цепь, арка, город, дерево, лиана и др. В мировой мифологии Млечный путь – небесная, или космическая, колонна, поддерживающая небеса и связывающая их с землей, – считается осью мира, наряду с мировым деревом⁷.

В поэтическом мире Тряпкина все эти образы синонимичны, взаимозаменяемы, находятся в отношении свободного варьирования. Сущность творческой работы Тряпкина можно охарактеризовать так: поэтическая реконструкция мифа. Когда-то народное поэтическое сознание обобщило крестьянский жизненный опыт в мифологических сюжетах и образах, а теперь Тряпкин расшифровывает их смысл и находит соответствия им в современности, в действительности XX века, пытается в суетной, быстротекущей, катастрофической, трагической, атеистической эпохе найти и показать людям истину, высшую основу бытия.

По свидетельству исследователей фольклора О.В. Беловой и В.Я. Петрухина, «в славянской модели мира концепту единого мирового древа присуща статичность: мировая ось должна быть неподвижной, ее движение равнозначно трансформации и в конечном итоге гибели мира»⁸ В художественном мире Тряпкина мировая ось, с одной стороны, сохраняет свое значение и стабильность, а с другой – колеблется, подвергается испытаниям разрушительной деятельностью человека. В славянской мифологии роль Мирового

⁷ См. электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁸ Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. С. 67.

древа выполняет Дуб – именно «Звездный дуб» у «Млечной реки» и изображает Тряпкин в стихотворении «Сказка» (1979):

Исходился, избегался царский стрелок
Да по дебрям лесным.
Ничего не добыл он на царский пирог
Самострелом своим.
Ни единой косули не прыгнет вокруг,
И дроздов не слышать.
И не к чести уже свой испытанный лук
Наготове держать.
Закручинился парень, уселся на пне.
(А уж ночка-то - вот!)
И послышалось вдруг: где-то там, в вышине,
Голубица поет.
И вскочил молодец, и наставил трубу
Сквозь лесные суки.
*И узрел голубицу на Звездном дубу
Да у Млечной реки.*
И ударила стрелка под то ли крыло,
И промчалась насквозь...
И великое пламя над миром прошло,
А верней – пронеслось.
Издымились деревья, пропала трава,
И не стало воды.
Только месяц вверху зарыдал, как сова,
От великой беды...⁹

Тряпкин считает недопустимым раскачивание мировой оси, и в этом он продолжает размышления своего современника Ю.П. Кузнецова и предшественника И.А. Бунина.

Сказочный мотив у Кузнецова выполняет дидактическую функцию: не ограниченное нравственными канонами познание мира человеком оборачивается против мира и человека. У Тряпкина человек идет еще дальше в своем дерзком стремлении овладеть миром и посягает уже на «голубицу на Звездном дубу Да у Млечной реки», то есть он восстает против Бога, Святого Духа, он колеблет мировую ось, мировое древо, и в итоге мир рушится, возникает картина Апокалипсиса, воссозданная во многих стихотворениях Тряпкина:

Дьявол заходит в кабак,
Бог восседает за стойкой.
Пьют из *Большого Ковша*,
Спирт не мешая с водою (381).

Таким образом, Бунин стоит у истоков важнейшей темы – темы кризиса религиозно-нравственного сознания современного человека и общества, которая стала для Кузнецова и Тряпкина основополагающей, во многом определила своеобразие их художественных миров.

Еще одна параллель между поэтами (на этот раз Буниным и Кузнецовым) обнаруживается в рамках темы русского национального характера, рус-

⁹ Тряпкин Н.И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 474. Далее ссылки на произведения Н.И. Тряпкина даются в тексте по этому изданию.

ского богатырства. И вновь единым поэтическим источником при разработке этой темы становится фольклор, в частности былинный эпос. Особое внимание поэты обращали на таких былинных персонажей, как Илья Муромец, Святогор, а также воссоздавали обобщенный образ русского богатыря.

И Бунин, и Кузнецов явственно осознавали двойственность характера русского человека-богатыря. Так, Кузнецов с восхищением говорит о русском богатырстве, любит «потягиванием богатыря» (436), но, вспоминая Илью Муромца, сидевшего на печи до тридцати трех лет, вынужден неоднократно с горечью признавать его пассивность, мечтательность, легкомыслие:

Качнет потомок буйной головою,
Подымет очи – дерево растет!
Чтоб не мешало, выдернет с горою,
За море кинет – и опять уснет (61).

Страшный Суд проспал и не заметил...
Вот что значит богатырский сон! (416)

В постперестроечную эпоху Кузнецов открыто обращался к современным русским измелчавшим «богатырям» с горькой укоризной, например в стихотворении «На пирушке» (2000):

В мире скука. А у нас пирушка,
Честь по чести дольний стол накрыт.
На одном конце палит Царь-пушка,
На другом Царь-колокол гремит.

Поднимите, дьяволы, стаканы
Выше свеч и белых облаков!
Не про нас ли говорят курганы
И тоскуют сорок сороков? (415)

Когда-то Н.К. Михайловский, старший современник Чехова и Бунина, под впечатлением чеховской «Степи» рассуждал: «Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем, так, кости разминает, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая об ней, то росточек сорвет, то дерево с корнем вырвет, все с одинаковою легкостью, и даже разницы между этими действиями не чувствует»¹⁰. Михайловский в целом верно уловил суть русского национального характера в чеховской интерпретации. Русское богатырство часто оказывается нереализованной, хотя и мощной, потенцией, остается лежать под спудом: «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко?»¹¹ Аналогом у Кузнецова может служить «Лежачий камень» (1997):

Трава племен шумит о лучшей доле,
Века времен обходит стороной.
А он лежит в широком чистом поле,

¹⁰ Цит по: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974-1983. Сочинения. Т.7. С. 634. Далее ссылки на это издание даются в тексте

¹¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 13. С.143.

Орел над ним парит в глубокий зной (362).

Русский богатырь способен на многое, но использует свои богатырские силы не всегда, и поэтому колесо его судьбы, по наблюдениям Кузнецова, катится «по плакун-траве и по трын-траве» («Колесо», 83). Он способен как к глубокому философствованию, так и к легкомыслию.

Бунинская трактовка темы русского богатырства предваряет кузнецовскую, при этом эволюционирует от описательно-реалистической к условно-метафорической. В более ранних стихах (1901-1911) образ богатыря слит с пейзажем, а пейзаж пронизан историческими аллюзиями:

Стрелюю скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал курган – и темный ветер ночи
Дождем холодных слез его кропил (159).

Воткнув копье, он сбросил шлем и лег.
Курган был жесткий, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жег...
Осенней сушью жарко дуло с юга.

И умер он. Окостенел, застыл,
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертвою травюю.

И муравьи закопошились в них...
Но равнодушно все вокруг молчало,
И далеко среди полей нагих
Копье, в курган воткнутое, торчало (180).

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке (335).

В более поздних стихах Бунин непосредственно обращается к былинным мотивам и сюжетам и создает сложные историософские концепции. В своем произведении «Святогор» (1913) он противопоставляет современного русского человека (Ивана) былинному богатырю, показывая их неравенство в силе и духе, – нынешний Иван не способен даже оседлать Святогорова коня, а силой и ловкостью может померяться разве что с «диким татаринном»:

В чистом поле, у камня Алатыря,
Светит месяц по шлему богатыря:
Принял божию смерть Святогор.
Конь вздыхает, ревет по-звериному:
Он служил господину единому!
А Иван распахнул бел шатер:

Он ползет по росе, подкрадывается,
Он татаринном диким гоняется,
Он за гриву хватает коня.
Ночь за ночью идет, ворон каркает,

Ветром конь вокруг Алатыря шаркает,
Стременами пустыми звеня (357).

Бунинская интерпретация былины о гибели Святогора и о его преемнице Илье Муромце «Святогор и Илья» (1916) как своей основной мыслью (утрата былого могущества Руси, превосходство былых богатырей над нынешними), так и поэтикой, интонационно-ритмическим рисунком близка многим стихотворениям Кузнецова:

Но и меч не берет: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит – там обруч готов.
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков!

Кинул биться Илья – божья воля.
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу... Отняла
Русской силы земля половину:
Выезжай на иную путину,
На иные дела! (386)

Одна из самых трудных проблем для русского богатыря – это проблема нравственного выбора. Вдохновившись знаменитой картиной В.М. Васнецова «Витязь на распутье», Бунин написал стихотворение «На распутье» (1900), в котором раскрыл весь драматизм такого выбора:

На распутье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит.

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.

Путь направо без коня оставит –
Побредешь один и сир и наг, -
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в незнаемых полях...»

<...>

Дремлет полдень. На тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?

*Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет
Человечьим голосом меня?*

*И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...*

Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит (124-125; курсив мой – С.Н.).

У Кузнецова есть одноименное стихотворение «Распутье» (1977), в котором звучат те же вопросы и возникают те же образы (необъятный простор, не постигаемый умом, одиночество и душевная отвага лирического героя, тонкая грань между жизнью и смертью, между добром и злом):

На распутье я не вижу Бога.
Славу или пыль метет вдали?

*Что хочу от сущего пространства?
Что стою среди его теснин?
Все равно на свете не остаться.
Я пришел и ухожу – один.*

Прошумели редкие деревья
И на этом свете, и на том.
Догорели млечные кочевья
И мосты – между добром и злом (139; курсив мой – С.Н.).

Бунинская традиция прослеживается здесь довольно явственно. Исторические и былинные аллюзии Бунина в поэзии Кузнецова лишаются реалистической осязаемости, усиливаются, сгущаются до плотности символа и мифа. Стоит добавить, что о тройственном выборе жизненного пути героя-богатыря у Кузнецова речь идет и в таком знаковом, программном для него произведении, как «Золотая гора» (1974), где богатырь выступает в ипостаси современного поэта.

Итак, обращение к художественному потенциалу русского фольклора, способы его творческого освоения сближают таких поэтов XX века, как Бунин, Кузнецов, Тряпкин. Целые мотивные комплексы, определенные темы и сюжеты, взятые из былин, песен и сказок, обнаруживают в новейшую эпоху истории России свою актуальность и становятся для названных поэтов общим оселком, благодаря которому продлевается жизнь фольклорной традиции в литературе. Фольклорная традиция помогает Бунину, Кузнецову, Тряпкину создать образ своего времени, передать мироощущение русского человека начала XX - начала XXI веков. Драма русской жизни, начинавшаяся при Бунине и правдиво воссозданная им, обрела особую остроту в эпоху Юрия Кузнецова и Николая Тряпкина и раскрылась в их поэзии.